

Г. Н. Гумницкий

В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ МЫ ЖИВЕМ И В КАКОМ ХОТИМ ЖИТЬ?*

Аннотация. Материал представляет собой развернутый социально-философский и политико-экономический анализ постсоветских реформ в России, их идеологических оснований и последствий. Автор последовательно критикует выбранный в начале 1990-х годов курс на переход к «дикому» капитализму, связывая его с либеральной идеологией. Показано несоответствие этой идеологии историческому опыту и менталитету России. Центральное место в работе занимает комплексная критика либеральной идеологии по нескольким направлениям. Значительное внимание уделено роли государства и морали в рыночной экономике. Автор утверждает, что сильное правовое и социальное государство не противоречит свободе граждан, а, напротив, является условием ее реализации. В заключительной части автор формулирует альтернативу: отказ от капитализма как цели реформ и переход к «социально ориентированному строю», основанному на идее социальной справедливости. Особую роль он отводит идеологическому фактору: государство, по его мнению, не может существовать без идеологии, и главной идеей должна стать социальная справедливость.

Ключевые слова: реформа, капитализм, либерализм, собственность, свобода, равенство, справедливость, мораль, право, государство, рынок, идеология, приватизация, олигархия, социализм.

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. В каком обществе мы живем и в каком хотим жить? // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 3. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

WHAT KIND OF SOCIETY DO WE LIVE IN, AND WHAT KIND DO WE WANT TO LIVE IN?

Abstract. This article presents a comprehensive socio-philosophical and political-economic analysis of post-Soviet reforms in Russia, examining their ideological foundations and consequences. The author consistently criticizes the course adopted in the early 1990s — a transition to “wild” capitalism — linking it to liberal ideology. The study demonstrates the incompatibility of this ideology with Russia’s historical experience and mentality. A central

© Гумницкий Г. Н., 1999

© Гумницкий Г. Н., 2026, с изменениями

* Текст приводится по брошюре «В каком обществе мы живем и в каком хотим жить? “Кто виноват?” и “Что делать?”», изданной в 1999 году ивановским отделением Российского философского общества при поддержке Ивановского филиала Северо-Западной академии государственной службы (ныне — Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации») и Ивановской государственной архитектурно-строительной академии (ныне — Ивановский государственный политехнический университет).

element of the work is a multifaceted critique of liberal ideology. Significant attention is paid to the roles of the state and morality within a market economy. The author argues that a strong state — one grounded in the rule of law and social welfare — does not conflict with citizens' freedom but, on the contrary, serves as a prerequisite for its realization. In the concluding section, the author proposes an alternative: abandoning capitalism as the ultimate goal of reform and transitioning to a “socially oriented system” based on the principle of social justice. He assigns particular importance to the ideological factor, maintaining that the state cannot exist without an ideology and that social justice should serve as its core guiding principle.

Keywords: reform, capitalism, liberalism, property, freedom, equality, justice, morality, law, state, market, ideology, privatization, oligarchy, socialism.

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2026) What kind of society do we live in, and what kind do we want to live in?, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 5—17.

Наша реформа: к чему мы пришли?

В нашем обществе господствовала и еще сохраняется в той или иной мере социалистическая, марксистская идеология. Этот факт имеет немаловажное значение (о чем сказано ниже), хотя это общество нельзя было так просто охарактеризовать как социалистическое. Одно дело — что о нем думали, другое — чем оно было на самом деле.

В действительности оно соединяло в себе господствующие элементы госкапитализма с некоторыми элементами социализма. Наличие последних и позволяет представлять проводимые у нас реформы как переход от социализма к капитализму, что верно лишь частично, ибо в более глубоком плане это переход, точнее, первый шаг (с двумя шагами назад) от государственно-монополистического капитализма к демократическому. Пока мы фактически вступили в период «дикого» капитализма, который, по-видимому, отличается такими чертами: господством спекулятивного финансово-торгового и низким уровнем производственного капитала положением сырьевого придатка Запада и сильной продовольственной зависимостью от него, компрадорским характером буржуазии; невиданным имущественным расслоением общества — обогащением одной десятой населения за счет крайней бедности 9/10; соединением формальной диктатуры одного лица с реальной властью финансовой олигархии и с некоторыми элементами демократии в виде слабого парламента и свободы слова; серьезной криминализацией общества включая госаппарат, глубоким падением нравов, разгулом аморализма, индивидуализма и анархии при попустительстве государства и отсутствии его позитивного идеологического влияния на общество. И так далее и тому подобное.

То, что у нас в этих условиях происходит: длительные невыплаты зарплат и пенсий, обнищание большей части населения, отключения тепла и света и так далее, а сейчас снова девальвация и инфляция, новое падение жизненного уровня масс — это всем хорошо известно.

«Кто виноват?» Какая идеология нам нужна?

Вряд ли стоит сомневаться, что рыночная реформа нам была необходима. Весь вопрос в том, правильно ли был избран путь ее осуществления? Президент предпочел вариант, предложенный Е. Т. Гайдаром. Но «отмерил» ли он «семь

раз», прежде чем «отрезать»? Думается, что нет, так же, как он не сделал этого, начав войну в Чечне, и во многих других случаях. Между тем такое поистине судьбоносное решение нуждалось в тщательной и глубокой подготовке. Судя по некоторым высказываниям Б.Н. Ельцина, да и по его действиям, он не придавал должного значения идеологии, социальной теории. Он скорее понадеялся на «русский авось». Нужно было провести серьезные научные дискуссии, привлечь к участию в решении проблемы широкую общественность. Принять план перехода к рынку должен был сам народ. Но у него не спросили.

Вопрос казался весьма простым: нужно перейти к рынку, а рынок — это частная собственность, бизнес, банки и т. п., т. е. капитализм, значит, надо перейти от социализма к капитализму, причем, поскольку для этого необходимо «первоначальное накопление», то требуется полная свобода обогащения, значит, надо начинать с «дикого» капитализма. И здесь, как нельзя лучше, подходила либеральная теория Гайдара, по сути своей буржуазно-индивидуалистическая, давно устаревшая и совершенно не соответствующая современной природе стран, которые у нас принято было считать капиталистическими, но на самом деле такими в строгом смысле уже не являются, ибо заключают в себе некоторые элементы, сходные с социалистическими.

Об идеологии, предложенной Гайдаром, можно судить по Программе партии «Демократический выбор России» (далее — ДВР), возглавляемой им. В основе этой Программы лежат принципы архаичного (уже потерявшего серьезное влияние) либерализма. Традиционно либерализм связан с теорией индивидуализма, считавшей отдельную личность с ее свободой и собственностью первичной и высшей ценностью. Свобода каждого противопоставляется всеобщему равенству, как чему-то с ней несовместимому. Главное, утверждается в Программе, не сила государства, а сила и свобода его граждан, как будто одно противоречит другому. В этом понимании явно обнаруживается существенная недооценка роли государства, а эта недооценка, проявившись на деле, стала одной из основных, если не основной причиной, всех наших теперешних экономических и социальных бед. Считалось, что рынок сам все расставит на свои места, поэтому задача государства — только не мешать. Требование государственного регулирования рынка высмеивалось как безграмотное и наивное. К чему на практике привела эта идеология, мы теперь очень болезненно чувствуем на себе.

Конечно, вина лежит не только на идеологии и руководстве, воплощающем ее в жизнь. Имеется множество исторических причин, приведших нас к тому, что мы теперь имеем. Но в этой статье мы попытаемся разобраться лишь в одной, идеологической стороне дела, без чего невозможно понять, в чем глубинная суть наших ошибок, и как можно, исходя из их учета, исправить положение. Для этого необходим теоретический анализ некоторых актуальных вопросов идеологии.

О несостоятельности либеральной идеологии

Здесь мы рассмотрим некоторые теоретические вопросы, имеющие актуальное идеологическое значение. Можно подумать, что в силу своей абстрактности они слишком далеки от жизни, что сейчас надо решать более конкретные экономические и политические вопросы. Но дело в том, что от решения теоретических проблем принципиально зависит направление практической

деятельности. Поэтому их «отвлеченность» лишь кажущаяся, в чем мы легко убедимся, обратившись к обсуждению этих вопросов.

О ценности человека и общества. Теория либерализма объявляет личность высшей ценностью. Личности, конечно, это приятно слышать, но беда в том, что это лишь красивая фраза, которая не соответствует действительности и не может соответствовать даже при самых благоприятных условиях, ибо она имеет односторонний характер, а потому неверна как общий принцип. Ведь каждому ясно, что бывают такие обстоятельства, при которых личность добровольно или не добровольно приносится в жертву интересам общества. Может ли высшее приноситься в жертву низшему? (Если одна сторона отношения является высшей, то, по сравнению с ней, другая оказывается низшей). Правильнее сказать, что личность, ее благо — конечная цель для общества. Приоритетными, высшими в различных ситуациях могут быть и интересы личности, и интересы общества, в целом же, как общий закон, высшей ценностью служит необходимость сочетания, гармонизации этих интересов. Осуществление этой необходимости было бы невозможно, если бы общее благо, иначе говоря, благо общества не выступало для личности в качестве высшей ценности. Именно поэтому высшими ценностями признаются долг, добро, честь, совесть, справедливость, патриотизм.

То, что люди в интересах своей совместной жизни, то есть в интересах общества, должны поступаться частью своих интересов, поскольку они являются по своей природе общественными существами и не могут жить вне социума, это верно для любых исторических условий.

Возникновение у нас института частной собственности и рынка ничего в этом отношении не меняет. Любой собственник — гражданин государства и должен подчиняться его законам, принимая их как свои личные нормы поведения (разумеется, постольку, поскольку они справедливы). Значит, и сейчас у нас правовые и моральные ценности остаются, как и во всем мире, высшими для личности, и утверждать, что личность и только личность является высшей ценностью, неверно.

Кажется, нетрудно увидеть прямую логическую связь между этим тезисом либерализма и той анархической вакханалией, которая разразилась в нашей стране. Чтобы преодолеть ее, надо решительно отвергнуть этот тезис и основать политику государства и идеологию на совершенно ином понимании соотношения ценности личности и ценности общества.

Свобода и равенство. Как говорится в программе ДВР, важнейшими ориентирами для партии являются «свобода, собственность и закон». Куда же ведут эти ориентиры? Бросается в глаза их разительное отличие от главных идей французской революции, выраженных словами: «свобода, равенство и братство» и заключавших в себе гуманистическое содержание, провозглашавших свободу для всех. Соседство со словом «свобода» слова «собственность» наводит на мысль о том, что имеется в виду свобода для собственников. И это подтверждается тем, что свобода в Программе противопоставляется всеобщему равенству, которое объявляется неосуществимым. Правда, в некоторых местах Программы признается необходимость известного равенства. Непонятно, как это логически совмещается с противоположным утверждением. Возможно, авторы отрицают идею абсолютного равенства, но тогда они формулируют свою мысль неудачно, ибо «всеобщее» означает не то же самое, что «абсолютное». Поскольку люди

в чем-то равны (как говорится, «все мы люди, все мы человеки»), равенство между ними является всеобщим, то есть равенством для всех. Но равенство между ними не абсолютно, относительно, — даже в том, в чем они все равны. Например, все нормальные люди способны к логическому мышлению, но различаются по его силе, глубине и так далее. Значит, всеобщее — не обязательно абсолютное. Так или иначе, но в Программе акцентируется неравенство людей, подчеркивается противоположность равенства и свободы, их несовместимость.

Если мы вспомним о рядом стоящем слове «собственность», то практически такое понимание можно истолковать так: «свобода для собственников». За пунктом же о неравенстве людей скрывается вполне реалистичная мысль, что не все люди могут быть частными собственниками (а ясно, что под «собственностью» подразумевается именно частная собственность). Отсюда с логической необходимостью следует, что свобода существует (по мнению ДВР) только для части людей, для собственников, и не должна существовать для остальных, для несобственников. Если даже признать, что авторы Программы не имели этого в виду, что это только наше умозаключение (хотя мы исходили из тех посылок, которые содержатся в тексте Программы), то во всяком случае ясно, что ДВР печется исключительно о свободе собственников и что это партия буржуазная, что ее Программа — это программа перехода к капитализму. Впрочем, Е. Т. Гайдар этого не скрывал.

Теперь вернемся к личности как высшей ценности. Так как всеобщего равенства нет и люди неравны, то и их ценность должна быть различной, ценность одних будет выше других. Значит, не все люди могут считаться высшими ценностями, а только некоторые из них, скорее всего, собственники, ценность же остальных, поскольку она не равна ценности первых, может быть низшей. С такими взглядами недолго дойти и до теории кастового строя. Но, не углубляясь в этот вопрос, скажем о другом.

На практике идеологии ДВР наилучшим образом соответствует деятельность тех ловких и неразборчивых в средствах, не обременяющих себя моральными соображениями личностей, которые с помощью спекуляции, обмана, воровства обогащаются за счет обнищания своих соотечественников. Это идеология жульнической буржуазии нашей эпохи «первоначального накопления капитала». Жульнической, поскольку честного пути быстро разбогатеть у нас нет, да и вообще, наверное, не бывает. А ведь аппетит у многих так разгорелся, что ничего святого у них не осталось. И это наш «великий» путь к общественному прогрессу?! Ведь если нам приходится быть «догоняющей цивилизацией», то не получится ли так, что, догоняя, мы вообще перестанем быть цивилизацией, потеряем право так называться?

Может быть, все дело исправляет третье слово — «закон»? Но способен ли закон наложить узду на свободу собственников? Весь вопрос в том, каков закон. Понятие закона формально, нужно еще знать, о каком, собственно, законе идет речь, каково его содержание. Об этом в Программе ничего не говорится. Но если связать это слово с двумя другими, получится, что закон должен служить свободе собственников. Такой закон не спасает ни общество, ни отдельных его членов от ограбления беззащитными дельцами, ибо их грабеж может быть узаконен. Ведь даже у воров есть свой «закон». Похоже, что, в принципе, либерализм признает только один закон — «закон джунглей». По крайней мере,

именно об этом в последние годы свидетельствовала наша государственная экономическая политика и повседневная экономическая практика.

В знаменитом лозунге французской революции слово «свобода» дополняется прекрасными словами «равенство и братство», которые придают этому слову и всему лозунгу социальное и гуманистическое содержание, означающее, что закон должен в равной мере служить каждому, а не только избранной части общества. В наше прагматичное и прозаическое время возвышенное и слишком идеализированное в применении к реальной жизни понятие братства следует, пожалуй, заменить более сухим и абстрактным, но весьма содержательным понятием социальности (в российском духе — соборности). Социальность означает всеобщее равенство и справедливость, включая также такую важную составляющую, как сотрудничество. Ничего подобного нет в девизе ДВР. Этот девиз асоциален.

Справедливость. Мораль и право. Равенство — понятие арифметическое, слишком простое и абстрактное для характеристики отношений между людьми. Ясно, что два человека не могут быть так же абсолютно равны, как две единицы. В чем-то они обязательно неравны. Поэтому понятию равенства в данном случае следует предпочесть понятие справедливости, которое выражает диалектику равенства и неравенства в обществе.

Справедливость — одно из важнейших моральных понятий, раскрывающих отношение общества к своим членам в распределительном аспекте. Еще Аристотель рассматривал справедливость как равное отношение к равным и неравное — к неравным. Действительно, учитывать различия между людьми не менее справедливо, чем их сходство. Например, было бы несправедливо за различные по своей тяжести преступления назначать одинаковые наказания. В справедливости есть и общечеловеческое и историческое содержание. И то, и другое надо учитывать, решая вопросы о том, что справедливо и что несправедливо. Идея справедливости играет огромную роль в истории. Именно под ее углом зрения определяется отношение общества, народных масс, классов к политике государства, к деятельности тех или иных государственных органов и отдельных политиков, судей, учителей и так далее.

Наиболее общим и исходным в справедливости является момент всеобщего, общечеловеческого равенства. Эго отмечал Ф. Энгельс, и только те горемарксисты, которые хотели выглядеть «святее папы», отрицали этот момент, считая все в человеке и обществе исключительно «конкретно-историческим». Но ведь ясно, что все люди в принципе сходны, равны: всем свойственны сознание, сознательное мышление, речь, необходимость иметь пищу, одежду, жилище и так далее. Если Е. Т. Гайдар признает, что всем нужна свобода, то разве это не момент всеобщего равенства и разве, отрицая последнее, Программа ДВР не подрывает убеждения в праве каждого быть свободным?

Конечно, при всем основном тождестве люди могут очень сильно различаться по степени присущих им общих свойств. Одни обладают такими способностями, которые вовсе не отмечаются у других. Не каждый может быть настоящим поэтом, художником, музыкантом, математиком, шахматным мастером, великим футболистом и так далее. Однако подобные различия не изменяют того факта, что все члены общества — талантливые и бесталанные, молодые и старые, здоровые и больные — требуют от него, в соответствии со своей общей

природой, одного и того же: чтобы оно осуществляло заботу о каждом, чтобы все имели в чем-то одинаковые условия для образования, трудоустройства, удовлетворения своих жизненных потребностей и проявления способностей, для пользования своими политическими правами и так далее.

Так как люди сознают, что в основном и главном они равны, они требуют от общества, чтобы оно относилось к ним соответствующим образом, создавало им, насколько это возможно при данных или нарождающихся обстоятельствах, равные условия для удовлетворения потребностей и проявления способностей, то есть требуют справедливости. Они признают правомерность и известного неравенства, мера которого всегда является исторически определенной. Но они не терпят, когда оно переходит свою меру. Именно это имеет место у нас в настоящее время. Одно дело, когда все находятся в равном тяжелом положении. На нет и суда нет. Совсем другое, когда одни «с жиру бесятся», а другие нищенствуют, живут впроголодь, то есть, когда последние не в состоянии удовлетворять свои самые необходимые потребности. Имеет место колоссальное неравенство в том, в чем в идеале должно быть равенство, а это является вопиющей несправедливостью.

Ни общество в целом, ни каждый из его членов не могут пренебрегать требованиями тех слоев, которые становятся жертвами несправедливого распределения, ибо все заинтересованы в том, чтобы социальная система находилась в спокойном, равновесном состоянии, чтобы не было ожесточения, насилия, бунтов и революций. Конечно, далеко не все осознают эту глубинную необходимость, многие из корыстных интересов действуют ей вопреки. В современных наиболее цивилизованных странах эта объективная необходимость все лучше осознается, в результате чего различие между богатыми и бедными сдерживается на оптимальном уровне.

Есть и еще один немаловажный мотив, способный побуждать богатых заботиться о бедных, молодых о старых, здоровых о больных, ведь никакой богатч не гарантирован от того, что он окажется нищим, самый здоровый может заболеть, а каждого молодого неминуемо ожидает старость. Работающие не могут не заботиться о пенсионной системе, ибо знают, что когда-то они будут пенсионерами.

Таким образом, редко вспоминаемая теперь мораль с ее возвышенными идеалами добра, человеколюбия, справедливости, долга и совести имеет под собой весьма прозаическую и вместе с тем весьма солидную материальную основу. Мораль является необходимым социальным институтом, она существовала во все, даже самые худшие времена, то отступая под натиском эгоизма, жадности, бесстыдства и других дурных человеческих качеств, то снова усиливаясь и завоевывая ранее утерянные позиции.

Совершенный у нас переход к «дикому» капитализму привел к резкому снижению нравственного уровня общества, к скачкообразному росту аморализма и преступности. Но это не значит, что частная собственность в принципе несовместима с моральным образом жизни. Благоприятные социальные перемены будут способствовать моральному оздоровлению населения. С другой стороны, идеологическая работа по укреплению нравственных устоев, эффективные воспитательные меры необходимы для осуществления прогрессивных социально-экономических и политических преобразований.

Одно моральное влияние не в состоянии преодолевать негативные тенденции, порождаемые рыночными отношениями, для этого оно должно иметь поддержку права с его принудительными средствами. При такой поддержке результативность морального воздействия значительно возрастает. Право же опирается на силу наиболее мощного общественного института — государства, цивилизующая роль которого является чрезвычайно важной.

Государство только тогда может играть положительную нравственную роль, когда оно является правовым, то есть, если оно осуществляет справедливую социальную политику. Как уже говорилось, дело не просто в том, чтобы в обществе имелись определенные законы, надо, чтобы эти законы были направлены на обеспечение благосостояния всех слоев общества, чтобы они были справедливыми, и, наконец, чтобы они исполнялись, а не только существовали на бумаге. Лишь при этих условиях государство действительно является правовым.

Рынок и государство. Либерализм уповает на то, что рынок сам себя урегулирует. Но опыт опровергает это положение. Можно сослаться хотя бы на тот факт, что в развитых странах действует антимонопольное законодательство. Участники рынка, собственники, в полном соответствии с либеральным принципом свободы, настолько увлекаются погоней за прибылью, их страсть к наживе оказывается такой сильной и всепоглощающей, что им уже не до морали, чувство справедливости и совесть для них умолкают в громком шурушении денежных купюр, кои они так безумно любят. Общие интересы отступают на десятилетний план, и единственным мотивом становится частный интерес.

Одной моральной проповедью убедить участника рынка, что он должен уважать и соблюдать интересы своего конкурента, интересы нищих и слабых, общества в целом, совершенно невозможно. Без принуждения здесь не обойтись. Со временем необходимость учитывать интересы других, народа, общества превращается в привычку и внутреннее убеждение, и моральные регуляторы начинают действовать совместно с государственно-правовыми, обеспечивая достижение общего результата. Примером для подражания могут служить скандинавские страны, где уже сложилось такое положение. И ясно, что оно не может возникнуть иначе, как благодаря государственному управлению, действию идеологии социальности и нравственности.

Представление, что государство — только «орган господствующего класса», является упрощенным. Ф. Энгельс отмечал, что оно должно «умерять столкновения классов», то есть обеспечивать устойчивое состояние общественной системы. Но оно не могло бы этого делать, если бы в той или иной мере не учитывало интересы всех классов, групп и слоев общества. Также и мораль, обладая классовыми особенностями, всегда имела общенациональные черты, служила общему благу, а в настоящее время она приобретает и общечеловеческий характер.

Совершенно ложной является точка зрения, согласно которой рынок может функционировать только по «железным» экономическим законам и не терпит никакого вмешательства морали и права. Якобы между стихией рынка и принципами морали нет и не может быть никакого соприкосновения. Применительно к определенным этапам истории это, может быть, и так. Но верно ли, что иного не дано? Законы рынка проявляются через действия воли: разведение цен — не волевой, психический процесс? Продавцы могут договориться об общей высокой цене на определенный товар. Но покупатели тоже способны

(если они организуются) договориться не покупать этот товар, пока не будет снижена цена. Что же здесь несовместимого с природой рынка? Почему государственные органы при необходимости не могут ограничивать величину торговых надбавок? Это — волевое действие? Но ведь повышение наценок торговцами — тоже волевое действие. Почему одно возможно, а другое невозможно? Государство как представитель совокупного покупателя с полным правом может и должно вмешиваться в дела рынка, контролировать и регулировать происходящие в нем процессы, не нарушая при этом его законов и не разрушая его. Государство может и должно влиять на рыночные процессы, например, проводя разумную протекционистскую политику, защищая своих производителей от внешней конкуренции с помощью соответствующих налоговых мер, и тому подобное. Разумеется, оно само должно войти в «стихию» рынка и суметь повлиять на происходящие в нем процессы так, чтобы это не противоречило природе рыночных отношений. Здесь нет ничего невозможного, что уже давно подтверждено мировым опытом.

С этой точки зрения вполне понятна ошибочность и опасность тезиса, согласно которому, главное — не сила государства, а сила и свобода его граждан. Такое противопоставление некорректно. Как раз слабое государство — не в интересах его граждан.

Сила государства, если она применяется разумно, только на пользу гражданам, ибо она не мешает, а способствует применению в рамках морали и права здоровых в социальном плане сил граждан и обеспечению их не противоречащих Конституции свобод. Слабость государства — это разгул индивидуализма, анархии и преступности. Кому нужно такое государство? Государство — это власть, а власть — это, иначе говоря, сила. (Например, в английском языке власть и сила, мощь обозначаются одним словом — *power*, в немецком языке *die Macht* — это и сила, и власть, и государство). Ясно, что «слабое государство» — внутренне противоречивое, алогичное понятие. Слабое государство — плохое, неполноценное, не выполняющее своих функций, не соответствующее своему понятию, лишь его видимость, фикция. Именно таким на протяжении последних лет является наше государство. Это печально, но факт.

Дорога в пропасть

У нас неоднократно отмечалось, что наша страна падает в пропасть, и в этом утверждении, видимо, немалая доля истины. Целью реформы был признан капитализм, который, как казалось очевидным, на первых порах неизбежно будет «диким». Но ведь в России уже был капитализм, проходивший, естественно, стадию «дикости». Известно, что если история совершается дважды, то по-разному: первый раз — как трагедия, второй же раз — как фарс. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Все зависит от обстоятельств. У нас первоначальное накопление капитала могло происходить только за счет разгосударствления, которое фактически превратилось в разграбление народного достояния. Ведь все, чем владело государство, а оно у нас владело почти всем, хотя бы формально, по Конституции, было общенародной собственностью. Пользовалась ею преимущественно «верхняя» часть общества, хотя по праву она была собственностью народа. В результате разгосударствления, или приватизации, она стала превращаться в частную собственность отдельных лиц, составивших небольшую часть населения. Большинство же

не только ничего не получило от такой реформы, но, наоборот, очень многое потеряло. Это говорит о вопиющей исторической несправедливости проводимой у нас реформы.

Но она явилась не только несправедливой, а также экономически абсурдной, не только не способствующей развитию производства, но разрушающей его и тем самым создающей угрозу гибели общества в целом. У нас обогащение отдельных лиц пошло не по пути развития производства, а посредством хищнического присвоения государственных денежных средств, а с их помощью — хозяйственных предприятий. Получилось, что государство само себе, при том в мизерном размере, заплатило за отчуждение собственного богатства. Но так как последнее составляло основу жизни народных масс, то тем самым происходит принудительное, против воли народа, отчуждение от него условий жизни, то есть, проще говоря, его уничтожение.

Считалось, что когда у нас появятся крупные владельцы финансовых средств, они начнут вкладывать эти деньги в производство и начнется его подъем. Надеялись также на то, что частные владельцы более эффективно будут управлять предприятиями, чем это делают государственные служащие — директора. Однако эти надежды пока не оправдываются, кризис же экономики нарастает и может уже в ближайшее время привести к национальной катастрофе. Вывод состоит в том, что наш путь — это дорога в пропасть.

Что делать?

Остановимся лишь на некоторых общих аспектах этого очень непростого, но настоятельно требующего решения вопроса.

Сменить курс: от капитализма к «социальному» строю. Рыночную экономику необходимо продолжать строить, с этим мало кто сейчас будет спорить. Но в наше время экономика не может базироваться на антагонизме «верхов» и «низов». В развитых странах это хорошо усвоили уже давно и пошли по пути социально ориентированной экономики. Другого разумного пути у нас нет.

Нашей целью должен быть более справедливый, чем «классический» капитализм, строй. Его модели уже существуют на практике. Примером теоретической модели такого строя может служить выдвинутая у нас концепция «цивилизма» («гражданского общества»). Суть его состоит в том, что каждый гражданин владеет некоторой долей общественного богатства, гарантирующей его от нищеты, что не исключает различий в богатстве, но различия не должны быть чрезмерными [Нерсисянц, 1993]¹.

Такой строй вряд ли можно назвать капиталистическим, ибо ему уже не свойственна власть капитала над трудом. Если все работники участвуют в прибыли, являясь акционерами своих предприятий, то общество перестает быть капиталистическим по ряду своих признаков и, наоборот, приобретает некоторые признаки социализма. Термины «социально ориентированный строй» или

¹ Нечто подобное создал С.Н. Федоров в масштабах одного предприятия — руководимой им глазной клиники. Здесь нет наемных работников, а есть совладельцы, делящие доход пропорционально вкладу каждого в общий труд. Максимальная разница в доходах — в 3,5 раза. Вместе с тем это предприятие вполне вписывается в систему рыночных отношений.

«цивилизм» не дают полного понимания сущности этого общества, но других пока нет.

Роковая ошибка, совершенная нашим руководством, состояла в том, что оно отождествило рыночную экономику с капитализмом и тем самым выбрало путь не вперед, к более прогрессивному строю, а назад, к отжившей свой век архаической общественно-экономической системе, путь, который в современных условиях является дорогой в никуда. Необходимо как можно скорее исправить эту ошибку.

Как это сделать? Сделать это — значит осуществить следующий, второй, этап начавшейся у нас демократической революции, которую принято называть реформой ввиду ее в основном мирного характера. Можно надеяться, что она и дальше будет проходить мирно. Но «мирно» — не значит без борьбы. Борьба уже идет и еще предстоит очень серьезная.

Задача состоит в том, чтобы заменить государство буржуазно-олигархическое государством демократическим, выражающим интересы самых широких слоев населения. Это тоже произойдет не в один прием, а возможно лишь в виде ряда последовательных шагов, успех которых будет зависеть от многих факторов — экономических, политических и идеологических. От необходимости создания прочного «экономического базиса» для устойчивого демократического государства, конечно, никуда не уйти. Но это не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать, пока этот базис сформируется, ибо последнее, в свою очередь, будет зависеть от активности других, внеэкономических, сил.

В настоящее время ведущую историческую роль играет недовольство масс существующим положением вещей, все идет по Ленину: «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять ситуацией, ибо на старом пути это невозможно, нужно переводить стрелку на новый путь. Давление в «котле» возмущения растет, и может наступить социальный взрыв, если правительство не возьмет инициативу в свои руки и не проведет реформы в интересах всего общества.

Не все решают деньги. В революционные моменты решающее значение приобретает воля руководства, концентрирующая в себе стремление миллионов граждан, его способность применить законное принуждение к тем, кто не понимает всей опасности положения, заставить их вернуть часть захваченного ими при попустительстве власти богатства, по праву принадлежащее народу. Сможет ли руководство проявить такую волю?

Разумная политическая воля может основываться только на истинном понимании объективной исторической необходимости. Мудрость правителей является залогом осуществления необходимости. Познание же ее — дело идеологии, теории общественной жизни, ряда наук об обществе. Руководство, которое легкомысленно относится к вопросам идеологии, не строит свою политику на твердом научном фундаменте, обречено на поражение, способно нанести народу, стране огромный вред. При наличии объективных предпосылок для смены курса реформ решающее значение приобретают знания руководителей, их мудрость и воля, иначе говоря, субъективный, идеологический фактор.

Идеология и реформа. «Осколки» отвергнутой марксистской идеологии, зачастую представляющие ее суть в искаженном виде, сохраняются у нас до сих пор. Марксистский тезис «бытие определяет сознание» истолковывают в том смысле, что сознание — это нечто второстепенное, что главное — развивать экономику, идеологии же не надо уделять особого внимания, она уж как-нибудь

сама приспособится к новому «бытию». По-видимому, это понимание в какой-то мере выразилось в отказе от государственной идеологии, сформулированном в Конституции РФ. Пункт 2 статьи 13 гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Здесь смешиваются два разных вопроса. Одно дело, что идеология не должна навязываться гражданам в принудительном порядке, быть для них обязательной. Такое требование и невозможно осуществить. Другое, что государство должно жить и действовать вообще без всякой идеологии. Это тоже практически невозможно и опровергается самой Конституцией, в которой представлена определенная, хотя и не во всем последовательная, демократическая идеология. В той же статье 13, в пункте 5, говорится о запрещении разжигания «социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Разве это не есть вполне однозначная идеологическая позиция? В статье 1 говорится, что Россия — правовое государство, статья 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Статья 7: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» и так далее. Другое дело, что эти статьи вопиют против того, что у нас «обеспечено» человеку в действительности, но нельзя сомневаться в том, что в них выражена определенная идеология. Особенно подробно она изложена в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина».

Но Конституцию приняли, а о провозглашаемых в ней «правах и свободах» тут же забыли. Как говорится в пословице, «прокукарекали, а там хоть не рассветай!». В основу же курса положили другую, классово-эгоистическую, буржуазно-антидемократическую идеологию партии, которая как бы в насмешку называется «Демократическим выбором России».

Если у государства, оказывается, была официальная, закреплённая в Основном законе идеология, оно должно было ее пропагандировать, воспитывать граждан в ее духе, но тогда постоянно бросалось бы в глаза разительное противоречие между тем, что оно проповедует, и тем, что делает. Поэтому предпочли фигуру умолчания, на деле же следовали совсем иной, противоположной идеологии. Разве возможны были бы такие антинародные операции, как проведенные у нас А. Б. Чубайсом приватизация и ваучеризация, если бы считались с Конституцией? Теперь говорят, что все было по закону и ничего нельзя исправить. Но с этим нельзя согласиться. Все, что противоречит Конституции, незаконно. И исправить сделанное можно. Разумеется, делать это надо умело, не вызывая чрезмерного социального напряжения. Не надо объявлять классовую борьбу богатым, но надо, чтобы те, кто несправедливо приобрел львиную долю общественного достояния, кто имеет все (1,5 % населения принадлежат 60 % национального богатства), поделились с теми, кто не имеет почти ничего.

Чтобы осуществить этот поворот, государство прежде всего должно повлиять на умы людей, кардинально изменить морально-политическую атмосферу в обществе, а для этого в правительстве надо иметь идеологический сектор, который смог бы вести серьезную идейно-воспитательную работу в масштабе страны, в различных слоях населения. Главной идеей при этом должна быть идея социальной справедливости, выраженная в концепции социально

ориентированного общества с рыночной экономикой, в которой каждый является вместе со всеми совладельцем национальных богатств.

Ясно, что цель построения капитализма не могла стать идеалом народа России с его традиционным социалистическим образом мысли (как сейчас принято говорить, менталитетом). Создание новой социальной системы требует в качестве своего условия духовного, морального и политического подъема в обществе, но идея построения капитализма не способна вызвать его, большинство населения ее не разделяет и не поддерживает. Эта идея давно исторически себя изжила, а в нашей стране она тем более обречена на неуспех.

Идея социальной справедливости имеет многовековую историю, она всегда была ведущей идеей глубоких и прогрессивных социальных преобразований. Для российского народа она является своей, родной идеей, и он безусловно поддержит то руководство, которое будет ее пропагандировать, разрабатывать в качестве программы своей деятельности и последовательно проводить в жизнь².

Библиографический список / References

Гумницкий Г. Н. Субъективны ли духовные ценности? // Экономическая и философская газета. 2009. № 5.

(Gumnitsky G. N. Are spiritual values subjective?, *Economic and Philosophical Newspaper*, 2009, no. 5. — In Russ.)

Гумницкий Г. Н. О соединении капитализма с социализмом // Экономическая и философская газета. 2012. № 14.

(Gumnitsky G. N. On combining capitalism with socialism, *Economic and Philosophical Newspaper*, 2012, no. 14. — In Russ.)

Гумницкий Г. Н. И снова о свободе: либерализм или гуманизм // Российская философская газета. 2015. № 3 (75).

(Gumnitsky G. N. On freedom once again: liberalism or humanism, *Russian Philosophical Newspaper = Rossiyskaya filosofskaya gazeta*, 2015, no. 3. — In Russ.)

Нерсисянц В. С. Продолжение истории: от социализма к цивилизму // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 3—14.

(Nersesyan V. S. The continuation of history: from socialism to civilism, *Questions of Philosophy = Voprosy Filosofii*, 1993, no. 4, pp. 3—14. — In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.

² Профессор Г. Н. Гумницкий продолжил разработку рассматриваемой проблематики в серии публицистических материалов [Гумницкий, 2009; Гумницкий, 2012; Гумницкий, 2015].